

Российские планы на сейме Речи Посполитой 1744 г.

Maksim Yurievich Anisimov
(М.Ю. АНИСИМОВ)

INSTYTUT ROSYJSKIEJ HISTORII
ROSYJSKIEJ AKADEMII NAUK
ORCID: 0000-0001-6699-611X

ABSTRACT

Russian plans at the Diet of the Republic of Poland in 1744
At the Diet in 1744 and 1746, the Polish authorities tried to obtain a permit to enlarge the army, reduced at the request of Russia in 1717. For the first time since then, these intentions were viewed favourably in St. Petersburg. These actions were caused by the efforts of the government-appointed by Tsar Elizabeth Petrovna to create a bloc of states directed against the rapidly developing Prussia. To this end, Russia was ready to change its policy. However, as a result of a survey conducted on the possibilities of the Polish-Lithuanian Commonwealth and its development prospects, St. Petersburg decided not to rely on Polish forces in the fight against Prussia and returned to the previous policy.

KEY WORDS: Polish-Russian relations, the Wettin dynasty, tsarist Elizabeth Petrovna, reform plans of the Polish-Lithuanian Commonwealth, Polish Diet in 1744

SŁOWA KLUCZOWE: stosunki polsko-rosyjskie, dynastia Wettinów, carowa Elżbieta Pietrowna, plany reform Rzeczypospolitej Obojga Narodów, sejm polski 1744 r.

Вопросы российско-польских отношений времён Елизаветы Петровны не получили должного освещения в историографии. В России их исследовал С.М. Соловьёв в многотомной общей истории России. В современное время общий обзор политики правительства Елизаветы Петровны в её последние годы в отношении Речи Посполитой сделал Б.В. Носов в первых главах фундаментальной работы «Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг.»¹. В современной Польше вопросами российско-польских отношений в 40-е и начало 60-х гг. XVIII в. занималась Зофья Зелинская².

Современные авторы получили доступ к Архиву внешней политики Российской империи, в котором отложились материалы дипломатической переписки Петербурга с российской миссией в Дрездене и представительство в Варшаве. Однако и Б.В. Носов, и ранее З. Зелинская используют весьма оригинальную методику работы с дипломатическими инструкциями. Вместо того чтобы выстроить теорию, опираясь на источники, историки приходят в архив с уже готовой теорией (основанной на российской политике последующих лет), и ищут её подтверждение в документах. Если этого подтверждения не находится, это не меняет теорию, так как можно заявить, что эти источники либо являются намеренной дезинформацией, либо в них по каким-то причинам умалчивается

¹ Б.В. Носов, *Установление российского господства в Речи Посполитой, 1756–1768*, Москва 2004.

² Z. Zielińska, *Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*, Warszawa 2001.

3 М.Ю. Анисимов, *Планы России в отношении Польши во время Семилетней войны (по поводу работы Б.В. Носова)*, «Отечественная история» 2008, № 5.

4 Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform w latach 1738–1744* [в:] *eadem, Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*, Warszawa 2001, с. 9–60.

о действительных целях российского двора. То есть что бы ни было в источниках, они никак не повлияют на уже сложившиеся убеждения автора.

Подробный разбор той части работы Б.В. Носова, которая посвящена политике Елизаветы Петровны в отношении Речи Посполитой накануне и во время Семилетней войны был дан автором этих строк в отдельной статье³. На аналогичной методике построена и статья З. Зелиньской о российской политике в отношении польского сейма 1744 г. в «*Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*»⁴.

Объём данной статьи не позволяет остановиться на всей аргументации З. Зелиньской подробно, и можно уделить внимание только основным утверждениям автора относительно русской политики в отношении Польши в 1744 г. и позднее.

Одной из основных причин слабости аргументации З. Зелиньской является игнорирование европейской политики России при Елизавете, представление российского отношения к Речи Посполитой как отдельного, самостоятельного и самоценного направления, которое стало таковым гораздо позднее, а в середине XVIII в. польское направление внешней политики страны было второстепенным для русского двора, озабоченного проблемами общеевропейского плана.

Благодаря резкому изменению соотношения сил в восточной части Европы при Петре I русский двор получил преобладающее влияние в Речи Посполитой. В присутствии русских войск «Немой» сейм 1717 г. ограничил полномочия короля, сократил польскую армию и фактически превратил Речь Посполитую в российский протекторат.

В Петербурге менялись правители, но не менялись российские интересы и российская политика в отношении Речи Посполитой.

В 1740 г. в Европе началась война за Австрийское наследство, которая характеризовалась стремительным

ростом могущества Пруссии, вектор экспансии которой, как потом выяснилось, был направлен не только на владения австрийской государыни Марии Терезии, но и на всех остальных своих соседей. В 1742 г. прусский король Фридрих II, разгромив австрийцев, получил в своё владение австрийскую Силезию. В Европе заявила о себе новая великая держава.

Из Польши в Петербург с этого времени стали постоянно приходить известия о стабильном прусском интересе к польским территориям или к смене польского короля-саксонца. Пруссия традиционно вместе с Россией интересовалась польскими делами, и обе стороны с 1720 г. в текстах своих двусторонних союзных договоров включали статьи о будущем соседней Польши. Такой же договор с Пруссией был заключён и Елизаветой в 1743 г.

24 января (4 февраля) следующего, 1744 г., в Петербурге был подписан, а после, в марте, ратифицирован оборонительный договор Саксонии и России. Договор фактически продолжал своего предшественника 1733 г., благодаря которому саксонский курфюрст в 1735 г. окончательно утвердился в Речи Посполитой как польский король Август III. Для вице-канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина, продолжавшего традиционную линию внешней политики страны, новый союзный договор с Саксонией обеспечивал контроль над Польшей⁵.

Казалось, дальнейшая политика России в отношении Речи Посполитой будет идти по тому же привычному пути, но прусский король Фридрих II не желал играть по чужим правилам и идти в фарватере других великих держав, и в отношении Польши у него тоже были свои планы.

В мае 1744 г. русский посланник в Берлине граф М.П. Бестужев-Рюмин (старший брат вице-канцлера) сообщил, что ему стало известно о том, что Фридрих II ведёт переговоры с французами о воцарении в Варшаве Станислава Лещинского, прежнего

5 W. Mediger, *Friedrich der Große und Rußland* [в:] *Friedrich der Große und seiner Zeit*, O. von Hauser (Hrsgs.), Köln-Wien 1987, с. 115.

6 Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ), Ф. 74 (Сношения России с Пруссией), Оп. 1. 1744 г., Д.10, Л. 144об.

7 Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 9–12.

соперника Августа III в борьбе за польский престол, в обмен на переход под власть Берлина Польской Пруссии.

В своих донесениях в Петербург в это время посланник М. Бестужев-Рюмин стал постоянно высказывать своё мнение, что России необходимо остановить успехи Фридриха II, который, если усилится, может отобрать у Польши как Польскую Пруссию, так и давно фактически зависимую от Петербурга Курляндию, вассальное владение польской короны. Фридрих II, «в рассуждении той великой инфлюенции, которую он тогда в польских делах иметь будет, России зело опасным себя учинит», представляя уже угрозу со стороны самой Польши⁶, предупреждал Елизавету Петровну дипломат.

Фридрих II действительно нанёс удар по саксонским позициям в Польше, через своего посланника в Варшаве И. Валленродта уговаривая магнатов поднять конфедерацию против короля-саксонца, одновременно призывая польскую сторону не ратифицировать мир 1686 г. с Россией без воли прусского короля. Об этом узнали в Петербурге, и Фридрих II увидел, что столкнулся с русскими интересами. Не желая обострять отношения с Петербургом, он дезавуировал слова Валленродта и отозвал его из Польши.

В этих обстоятельствах в 1744 г. в Речи Посполитой должен был быть созван сейм, и на этом сейме польские вельможи в союзе с королевским двором собирались принять решение об увеличении численности польской армии. З. Зелиньская посвятила много страниц русской политике в отношении этих планов, стремясь оспорить утверждения С.М. Соловьева, представителей немецкой (В. Медигер, М. Мюллер), а также польской историографии (С. Ашкенази, М. Скибиньский, В. Конопчиньский) о том, что Петербург тогда поддержал эти польские планы⁷. О том, что русские дипломаты препятствовали прусским

планам срыва увеличения польской армии, З. Зелинская тоже знает, однако эта точка зрения её не устраивала, и она стремилась найти в российских дипломатических документах (к которым все названные выше историки, кроме С.М. Соловьева, доступа не имели) опровержение этого.

Прямых доказательств своей теории З. Зелинская ожидаемо не находит, но применяет аргумент «*ab silentio*» («от умолчания») – если документы об этом не сообщают, значит – русский двор просто скрыл такую политику и, следовательно, нужно трактовать встречающиеся опровержения или как ложные, намеренно вводящие в заблуждение, или пробовать интерпретировать их с точки зрения самой теории. Подобная методология подбирает факты под нужную теорию, а не выстраивает теорию из имеющихся фактов.

Основывает свои сомнения историк на записи доклада Коллегии иностранных дел, а точнее, вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, императрице Елизавете 30 марта 1744 г., на котором была сообщена просьба прусского посланника в Петербурге поддержать прусские усилия по противодействию польским планам увеличения армии. Елизавета Петровна ответила, что хотя это суверенное дело польских властей, Россия тут тоже имеет интерес, так как увеличением армии Август III может хотеть усилить свою власть. На это Бестужев-Рюмин ответил, что эта мера предлагается не королём, а самой Речью Посполитой ради своей безопасности от Фридриха II⁸.

Из этого диалога исследовательница делает вывод, что Елизавета Петровна была против увеличения польской армии, так как она так прямо заявила, следовательно, такова будет и политика русского двора. Однако именно тут любимый аргумент З. Зелинской «*ad silentio*» должен быть использован в полном объёме. Специфика проведения решений российской

8 *Дневник докладов Коллегии иностранных дел 1744 год* [в:] *Архив князя Воронцова*, Кн. 6, Москва 1873, с. 62.

9 М. Skibiński, *Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję austriacką w latach 1740–1745*, t. 2, Kraków 1913, с. 479.

дипломатии заключалась в том, что если императрица не возражала Бестужеву-Рюмину, это означало, что она принимает его аргументы. Елизавета Петровна спорила со своим вице-канцлером, а затем канцлером, достаточно часто, использовала аргументы его противников, но её тактика принятия внешнеполитических решений была такова, что она выбирала то решение, которое было самым аргументированным. Дополнительным подтверждением того, что императрица приняла точку зрения Бестужева-Рюмина, служат и инструкции российским посланникам в Дрезден, в которых им предписано считать планы увеличения польской армии внутренним делом Речи Посполитой.

Второй аргумент З. Зелинской в поддержку точки зрения о противодействии польским планам усиления армии – это декларация Елизаветы Петровны от 13 декабря 1744 г., в которой она заявляет, что не допустит никаких конфедераций, волнений или других нововведений, направленных против священной особы короля или свободы и прав Речи Посполитой⁹. Но здесь нет ни слова об увеличении армии, не говоря о том, что декларация поддерживает короля против конфедераций, и аргументом в пользу точки зрения З. Зелинской она не может являться.

Дальнейшие аналогии, проводимые З. Зелинской с российской политикой в отношении сейма 1736 г., где обсуждались схожие предварительные планы, не могут быть приняты как аргумент, так как дипломатия Анны Иоанновны отличалась от дипломатии Елизаветы Петровны. В целом, справедливо критикуя французскую исследовательницу Ф.-Д. Лиштенан в том, что она вообще не замечает Польшу как один из объектов российской внешней политики, сама З. Зелинская не уделяет никакого внимания внешнеполитическим целям России в Европе. Внешнеполитические планы России зависели от конъюнктуры, и могли меняться со временем.

Потому не может быть принят аргумент, что если в августе 1741 г. российская дипломатия никак не планировала участие Польши в антипрусской коалиции¹⁰, то это – аргумент в пользу того, что в 1744 г. Польша тоже не рассматривалась в Петербурге в таком качестве. Это были разные царствования, и убеждённая антипруская политика России сформировалась только после начала Второй Силезской войны в 1744 г.¹¹

З. Зелинская справедливо отмечает, что в 1744 г. ни посланник в Берлине М.П. Бестужев-Рюмин, ни ставший канцлером А.П. Бестужев-Рюмин не рассматривали Польшу как возможного союзника в борьбе с Пруссией. Действительно, Речь Посполитая не могла играть активную роль в борьбе с Пруссией наравне с Россией и Австрией, но это не означало, что в Петербурге не рассчитывали на то, что Польша сама может оказать сопротивление в случае прусского вторжения на польскую территорию.

Неоправданно и утверждение З. Зелинской о «прусофильстве» вице-канцлера М.И. Воронцова в 1744 г. Он тогда полностью поддержал антипрусскую позицию Бестужева-Рюмина, хотя и внёс в неё коррективы. Интересно, что З. Зелинская приводит мнение Воронцова от 11 сентября 1744 г., что для борьбы против Пруссии нужно через российских посланников призвать поляков готовиться к обороне своих границ и вольностей¹² – но закономерных выводов, что Воронцов, один из руководителей российской дипломатии, поддержал бы ради этого увеличение польской армии, автор почему-то не делает, наоборот, утверждает, что из российских политиков «никто не связывал с актуальной европейской ситуацией необходимость поддержки в Польше планов увеличения армии»¹³.

Переходя к собственно сейму 1744 г., З. Зелинская отмечает, что Коллегия иностранных дел приняла решения о непротивлении польским планам

¹⁰ Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 21.

¹¹ М.Ю. Анисимов, *Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)*, Москва 2020.

¹² Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 22. Оригинальный русский текст: «соизволите наилучшим образом рекомендовать, дабы и с польской стороны не ослабевали к обороне отечества и вольностей своих, к предупреждению такого им злополучия, для вышеозначенных обоих случаев, расположений и приуготовлений в действо производить» (*Сборник Императорского Русского исторического общества*, Т. 102, Санкт-Петербург 1897, с. 447).

¹³ Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 23.

¹⁴ *Ibidem*, с. 33.

¹⁵ *Ibidem*, с. 34.

увеличения армии и предоставление этого на усмотрение короля и Речи Посполитой¹⁴. Это решение было записано и в рескрипте к тогдашнему посланнику в Дрездене графу Г.К. Кейзерлингу. Решение, как мы видим, вполне однозначное – Россия не собирается мешать этим планам. З. Зелинская вынуждена признать, что терпимость к увеличению польской армии действительно заявлена, но она не может отказаться от прежней точки зрения и для неё эта терпимость всё равно сомнительная, и она утверждает, что рескрипт этот «мнимый» («ostensible»), то есть обманный. Конечно, дипломатия знает «обманные» рескрипты и реляции, предназначенные для чтения их иностранцами с целью введения их в заблуждение, но в таких случаях, в каком-то отдельном письме адресату, то есть дипломату, сообщалось, что это неправда – ведь иначе сам дипломат будет обманут, и это может плохо кончиться для позиций данной страны. Таких сопроводительных писем нет и, следовательно, Кейзерлингу неизвестно, что рескрипт «мнимый». Следовательно, он – «настоящий». Вообще за все годы работы с российской дипломатической перепиской 20-летнего правления Елизаветы Петровны автору этих строк ни разу не встречался такой «мнимый» рескрипт. Если посланнику требовалось обмануть кого-то в чужой столице, это ему это прямо предписывалось шифром. Российские шифры, часто менявшиеся, были вполне надёжны – нет никаких сведений, что кто-то смог их раскрыть.

Текст рескрипта, отправленного Кейзерлингу на немецком языке, по сообщению самой З. Зелинской, был зашифрован целиком. Следовательно, он секретный, и о нём кроме дипломата, никто не должен знать. Однако для историка и это не аргумент в пользу подлинности высказанных в нём планов – через шифр, по её мнению, в Петербурге хотели «создать впечатление особой конфиденциальности передаваемой Дрездену информации»¹⁵. Как же это должно

было бы быть реализовано на практике? Кейзерлинг должен был дать саксонцам и шифровку, и ключи к ней, чтобы они сами прочли, как и всю его последующую корреспонденцию? Или помахать шифром и попросить поверить, что там сказано именно это? Рескрипт предназначался Кейзерлингу, а не Дрездену, и обмануть этим шифром можно было только его, а он уже, поверив, стал бы обманывать других. Зачем вообще столько лишних трудностей для доведения дезинформации?

В рескрипте содержалось и указание Кейзерлингу отвечать пруссакам на призывы противостоять польским планам увеличения армии тем, что посланник не может этого делать, не имея инструкций. Исходя из этой фразы, З. Зелиньская считает, что это и была истинная цель российской политики в отношении увеличения польской армии, и в подтверждении этой точки зрения снова использует любимый «аргумент от умолчания»: «В рескрипте от 20/31 марта 1744 г. обращает на себя внимание *argumentum ex silentio*: хотя Кейзерлинг должен был бдительно следить за берлинскими усилиями к воспрепятствованию реформы, он не получил приказа, чтобы этим разрушительным действиям хотя бы тайно противодействовать. Все это заставляет поверить утверждениям о том, что Петербург не собирался поддерживать увеличение польской армии, но вызывает сомнения в том, было ли безразличие, заявленное по отношению к запланированной реформе, искренним»¹⁶.

Однако в этом же рескрипте вице-канцлер Бестужев-Рюмин (чей проект рескрипта лично утвердила императрица, что бывало достаточно редко и только в тех вещах, которые она сама считала делами особой важности) негативно высказался о прусских попытках противодействия планам увеличения польской армии – после захвата Силезии Фридрих II имеет такие же планы в отношении Польской Пруссии, поэтому он и мешает полякам усилить свою

17 АВПРИ, Ф.79 (Сношения России с Польшей), Оп. 1. 1744 г., Д. 7а, Л. 97–97об.

оборону¹⁷. Относительно ответа пруссакам Бестужев-Рюмин отметил, что Россия желает быть со всеми в дружбе и потому не желает раздражать Берлин (как и Саксония, Пруссия тоже официальный союзник России с 1743 г.) препятствованием его планам. Вот единственная причина такого ответа пруссакам. Достаточно интересно, что у З. Зелинской Россия становится виноватой уже не в том, что вмешивается в польские дела, а в том, что она в них, наоборот, не вмешивается. Россия не противодействует пруссакам, даже тайно – но Бестужев-Рюмин изложил всё достаточно ясно – Россия не может вредить одному своему союзнику ради другого союзника, и потому выбирает невмешательство. Тайное ведь легко может стать явным, кроме того, непонятен механизм препятствования прусским планам – в Польше на сейме всё зависело от конкретных депутатов, с которыми могли тайно «работать» иностранцы, и их позиция выявлялась только на сейме, когда любой депутат мог опротестовать общее решение. Как с этим можно было бороться, да ещё тайно, З. Зелинская не объясняет.

Достаётся от З. Зелинской и С.М. Соловьёву – у него нет упоминаний об этом рескрипте и, как считает автор, намеренно – Соловьёв специально умолчал о документе, который свидетельствует о недостатке доброжелательности к польским реформам.

Сомнительно, что Соловьёв вообще придавал такое значение «выгораживанию» польской политики России почти полуторавековой давности, и такие идеи остаются только на уровне фантазий. Сам рескрипт вообще не содержит никаких антипольских планов (если не фантазировать), и его неупоминание Соловьёвым имеет другие причины – работа русского историка – не перечень всех рескриптов и реляций, он описывает только то, что является самым важным для истории России того времени. Сама же

З. Зелиньская далее цитирует Соловьёва: «Кейзерлинг дал знать королевскому министерству, что императрица вовсе не намерена препятствовать умножению войска, предоставляя это дело благоусмотрению короля и республики»¹⁸. Эта цитата и есть краткое изложение сути и рескрипта от 20(31) марта, и последующих действий Кейзерлинга по его исполнению. То есть Соловьёв спокойно использует этот якобы утаённый им рескрипт в своей работе.

То, что рескрипт Кейзерлингу был «мнимым», автор стремится доказать уже упоминавшимся протоколом доклада Коллегии иностранных дел от 30 марта, на котором Елизавета Петровна поставила вопрос о том, не желает ли король увеличением армии усилить свою власть, а Бестужев-Рюмин ответил, что этого хочет сама Речь Посполитая.

«Реальная точка зрения российской монархии на увеличение польской армии отличалась от той, которая была заявлена в рескрипте 20/31 марта, и выражалась в убеждении, что планы по расширению польской армии несовместимы с интересами России»¹⁹. Однако Елизавета Петровна вовсе не высказывала этого убеждения, она просто поинтересовалась, нет ли тут опасности, и вице-канцлер ответил, что нет, после чего императрица ничего не возразила.

З. Зелиньская пишет, что на первый взгляд, позиция Бестужева-Рюмина поддерживает увеличение польской армии и является единственным свидетельством такой позиции у русских политиков, однако это противоречит сложившемуся убеждению историка, и она опровергает это свидетельство – слова Бестужева-Рюмина надо понимать иначе – он ведь не сказал, что планы нужно поддержать, следовательно, он их не одобрял и просто отвечал императрице на конкретный вопрос.

Но текст протокола однозначен – Елизавета Петровна заявляет, что увеличение армии – внутреннее дело Польши, но нет ли возможности того, что этим

¹⁸ Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 38–39.

¹⁹ *Ibidem*, с. 36.

король хочет увеличить свою власть в Речи Посполитой, и вице-канцлер говорит, что это, наоборот, желание самой Речи Посполитой. На этом обсуждение заканчивается. То есть Польша, с точки зрения России, может увеличить свою армию.

Вероятно, понимая, что её трактовка слов Бестужева-Рюмина легко оспариваема, З. Зелинская всё же признаёт, что его слова могут быть свидетельством того, что он не был противником увеличения армии, но, в таком случае, из протокола всё равно не видно, чтобы он поборол сомнения императрицы²⁰. Далее историк верно отмечает, что Елизавета Петровна могла иметь собственную позицию в отношении Пруссии, но, не зная особенностей проведения внешней политики России, придаёт ей преувеличенную роль. Факт того, что Елизавета Петровна не возразила Бестужеву-Рюмину, означает, что она не нашла аргументов против, следовательно, она приняла его точку зрения, и русская политика должна идти по пути, который указал вице-канцлер. Официальная позиция России выражалась в рескриптах к Кейзерлингу. А в них нет ни слова о том, что Россия будет против планов увеличения армии.

Следовательно, точка зрения Бестужева-Рюмина о том, что Польша может увеличить свою армию, стала официальной позицией России. З. Зелинская признаёт, что рескрипт Кейзерлингу от 20(31) марта был последней инструкцией по этому вопросу – следовательно, позиция Елизаветы об опасениях от увеличения польской армии не стала официальной, и Петербург остался на прежних позициях: увеличение армии – внутреннее дело Польши, и Россия не будет ей препятствовать. Сама З. Зелинская через несколько страниц отбрасывает сомнения – и из того, что высказано ей ранее как предположение, сама говорит о русском отказе от увеличения армии уже как о факте: целью русских мер «не была бы поддержка аукции армии, поскольку в этом вопросе Петербург

дал Варшаве отказ»²¹. Но ранее З. Зелинская доказывала только, что Петербург дал полякам уверения в безразличии, которое было мнимым. Отказа Варшава так и не увидела.

Даже без учета других русских дипломатических документов, аргументы З. Зелинской не могут быть приняты.

Кроме российского отношения к увеличению польской армии, З. Зелинская рассматривает вопрос о присоединении Речи Посполитой к русско-саксонскому союзу 24 января 1744 г. При заключении этого соглашения стороны предусмотрели присоединение к нему Речи Посполитой: «короне и Республике Польской предоставляется сей трактат на будущем сейме признать и к тому формально приступить»²². В 1744 г. как раз созывался сейм, и стороны (прежде всего, Август III), согласно обязательству должны были предложить сейму это сделать.

Начало процессу положил коронный канцлер А. Залуский, в марте 1744 г. вручив промеморию Кейзерлингу. В ней он сообщил, что «чины Речи Посполитой Польской для утверждения с Россией соединения имеют намерение для своей и чинов своих пользы как наискорее стараться, чтоб полезнейшую и действительнейшую свою дружбу России показать, и для того постановили, чтоб на будущем сейме аукцию или прибавку войска учинить»²³.

З. Зелинская отмечает, что в этих переговорах о соглашении, как у русских, так и у поляков, нет упоминания слова «союз». Это действительно так, но если речь шла только о присоединении Польши к союзу России и Саксонии, а не о заключении отдельного союза с Россией, то о нём и не будет упоминаний, это разные дипломатические вещи – присоединение Польши к союзу двух других стран или подписание прямого союза России и Польши.

То, что Кейзерлинг, как отмечает З. Зелинская, на просьбы коронного канцлера А. Залуского не

²¹ *Ibidem*, с. 45.

²² *Полное собрание законов Российской империи*, Собрание I, Т. 12, Москва 1830, с. 20.

²³ АВПРИ, Ф. 79 (Сношения России с Польшей), Оп. 1. 1744 г., Д. 5, Л. 415.

24 Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 42.

25 АВПРИ, Ф. 79, Оп. 1. 1744 г., Д. 4а, Л. 169об.–170.

получил инструкций и полномочий на заключение такого соглашения, не означает, что Россия не желала этого «соединения». Практика елизаветинской дипломатии заключалась в том, что все международные договоры подписывались в Петербурге (как союз с Саксонией). Бестужев-Рюмин предпочитал вести переговоры о союзах самостоятельно – это позволяло ему успешнее давить на другую сторону, послу которой было необходимо связываться со своими властями, а пока инструкции шли в Петербург, принимать решения на свой страх и риск. Неоднократно бывало так, что уже подписанный иностранным послом договор с Россией вызывал недовольство властей той страны, которую посол представлял.

З. Зелинская считает, что Россия лишь поддерживала иллюзии поляков по заключению с ними союза, надеясь получить от них выполнение ряда условий (признание императорского титула, прекращение притеснения православных, решение пограничных споров): «Задача петербургской дипломатии заключалась в том, чтобы умело поддерживать польские иллюзии в отношении союза с Россией, не принимая на себя конкретных обязательств»²⁴. Однако союз всё же не дар, который Россия с высоты своего великодержавия может пожаловать шляхетской республике – это соглашение равных. Требования России вполне разумны – Бестужев-Рюмин в рескрипте от 19 апреля, отвечая Кейзерлингу на предложение Залуского, писал: «мы ничего от них не требуем и требовать сверх имеющегося вечномирного постановления [имеется в виду «Вечный мир» 1686 г. – М.А.] не хотим, желая токмо дабы по тому поднесь [по сей день – М.А.] разных, а особливо в разграничении неисполненных артикулах по Вечного мира трактату удовлетворительное и безобидное обеим сторонам окончание на непрременном и никаким спорам не подлежащем фундаменте быть учинено»²⁵, то есть Россия не ставит иных условий, кроме выполнения

тех, которые польская сторона взяла на себя в Вечном мире 1686 г. Более конкретно, что отмечает и З. Зелиньская, условия России были представлены в нескольких пунктах, первым из которых был пункт о желании восстановить и утвердить дружбу с Польшей союзом. Историк сразу же отмечает, что «мы должны предположить, что этот пункт был записан российскими дипломатами только для поддержания польских иллюзий»²⁶. Цитированное заявление Залуского, наоборот, вызывает мысли о том, что именно польская сторона решила воспользоваться предложением «соединения» ради обеспечения поддержки «аукции».

Польше никто не мешал ставить в ответ свои условия, и они были выдвинуты, о чем З. Зелиньская тоже сообщает, но не делает из этого никаких выводов. В реляции от 17(28) июля посланник передал польские условия: 1) Возвращение Польше Лифляндии, 2) обеспечение безопасности для католичества в уступленных России в 1686 г. провинциях, 3) возвращение отнятых по Днепру земель и 4) награждение участников «Сатановской комиссии», разбиравшей претензии польской стороны к русской армии во время прохода Миниха через Польшу по время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. и возмещение убытков²⁷. Эти претензии, отметим, не были предусмотрены в Вечном мире 1686 г. и были вполне самостоятельными требованиями.

Первый пункт возмутил Кейзерлинга, и он несколько страниц реляции посвятил опровержению. По словам посланника, канцлер Залуский признал «неосновательство» этой претензии, и сказал, что и другие сенаторы «приходят в чувство»²⁸. Следовательно, претензии были официальные, если их обсуждали российский посланник и коронный канцлер. Реляция Кейзерлинга показывает, что и он сам вёл предварительные переговоры с польскими официальными лицами. На полях русского

²⁶ Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 42.

²⁷ АВПРИ, Ф. 79 (Сношения России с Польшей), Оп. 1. 1744 г., Д. 66, Л. 291–291об.

²⁸ *Ibidem*, Л. 297.

29 *Ibidem*, л. 297об.

30 Z. Zielińska, *Rosja wobec polskich prób reform...*, с. 48.

перевода донесения Кейзерлинга у строк, касающихся польских претензий на передачу им заднепровских городов (Ржищев, Канев, Трактемиров, Чигирин и др.), которые по Вечному миру должны были быть оставлены незаселёнными как спорные), есть помета: «NB. России от населения поляками тех земель, кои по мирному трактату впусе лежать имели, вреда бы большого не было, естли бы помянутые земли не российскими беглыми подданными населены были»²⁹. Такие пометы на полях оставлял Бестужев-Рюмин, и делал он это для императрицы, когда на докладах передавал ей особо важные, с его точки зрения, донесения дипломатов. Следовательно, условия польской стороны обсуждались на самом высоком уровне, и глава российской дипломатии в принципе готов был идти на уступки польской стороне в некоторых вопросах. Значит, поляков не собирались обманывать, более того, были готовы, вопреки заявлению З. Зелинской³⁰, и дать полякам что-то взамен выполнения ими русских условий.

Условие признания императорского титула в то время вообще было российским условием *sine qua non* даже для простого принятия разного рода грамот от европейских монархов. Ранее посол самого императора Священной Римской империи Карла VII не был принят при российском дворе, так как он не имел с собой верительных грамот, в которых бы находился императорский титул Елизаветы Петровны, и только после прибытия новых грамот с нужным титулом у посла были приняты верительные грамоты. Французский посланник маркиз де Ла Шетарди был выслан из России как частное лицо летом 1744 г., так как он надеялся вручить верительные грамоты с императорским титулом лишь в крайнем случае, зная, что иные грамоты от него не примут. Любое соглашение с Речью Посполитой могло быть заключено только после признания сеймом императорского титула и никак иначе.

3. Зелинская отмечает, что из русских рескриптов в миссию в Дрездене не видно отрицательного отношения к присоединению Польши к русско-саксонскому союзу. Но к польско-русскому союзу отрицательное отношение, по словам историка, вполне очевидно³¹. Она видит это в рескрипте к посланнику в Дрездене М.П. Бестужеву-Рюмину – ему было сказано, что никаких полномочий на переговоры с поляками о новом союзе ему прислано не будет, так как у него уже есть верительная грамота к королю и Речи Посполитой, а главное – что ему не придется подписывать никакое новое соглашение, а только на основании Вечного мира 1686 г. разбирать взаимные жалобы. Выше уже упоминалось, что по практике новый союз не мог быть заключен нигде, кроме Петербурга, и разрабатывать его должен был бы сам канцлер, и он бы его и подписывал в Петербурге. Да и в целом Бестужев-Рюмин должен был вначале решить все спорные вопросы, а уже потом можно было переходить к союзу.

Относительно назначения нового посланника в Варшаву З. Зелинская пишет, что Кейзерлингом были недовольны (вероятно, как считает историк, за то, что он не смог навязать российские условия полякам перед сеймом)³², и он был отправлен в отставку (но на время сейма его отъезд был отложен). Однако это не так – Кейзерлинг не был уволен, он был переведён на другой пост, считавшийся более почётным, чем пребывание при дворе саксонского курфюрста – в июле 1744 г. Кейзерлинг был назначен российским посланником при дворе императора Священной Римской империи Карла VII, дипломат которого был принят при русском дворе, и от Петербурга требовалась взаимность, а Кейзерлинг был немцем и хорошо разбирался в германских делах. Карл VII в январе 1745 г. умер, Кейзерлинг так с ним и не увиделся, решив отправиться к Франкфурту-на-Майне на выборы нового императора. Он оказал там ценную

31 *Ibidem*, с. 49.

32 *Ibidem*, с. 51.

33 *Ibidem*.

34 *Ibidem*, с. 51–52.

услугу России – добился от Священной Римской империи признания императорского титула Елизаветы Петровны. В дальнейшем Кейзерлинг имел многие дипломатические назначения, став послом (высший дипломатический ранг) России в Австрии и затем в Польше. Это означает, что в Петербурге не считали, что Кейзерлинг провалил своё задание в Польше в 1744 г.

З. Зелинская делает вывод, что ни один из российских дипломатических источников не доказывает, что Петербург желал бы ввести Польшу в антипрусские соглашения, наоборот, дипломатические источники показывают неизменную заботу об изоляции Речи Посполитой и недопущения её к роли субъекта международных отношений³³.

По словам историка, в донесениях Кейзерлинга нет никаких следов того, что он поддерживал польские планы увеличения армии³⁴, но это просто закономерный и единственный результат его инструкций, цитированных выше З. Зелинской, которые предписывали Кейзерлингу невмешательство в этот внутренний польский вопрос. Историк считает, что относительно союза России и Польши Кейзерлинг тоже не предпринимал никаких действий – но мы видели, как Кейзерлинг вёл переговоры по доведению до польской стороны российских условий сближения и принимал от поляков ответные условия. То есть в данном случае Кейзерлинг как раз занимался этим вопросом.

Верно, что до осени 1744 г. и Кейзерлинг, и новый посланник М. Бестужев-Рюмин проводили политику невмешательства и в прусские действия по срыву сейма – ибо таковы были их инструкции. С октября 1744 г. З. Зелинская замечает резкий рост обеспокоенности русских дипломатов новыми действиями пруссаков против польского короля, попытками создания конфедерации с целью лишения его польского престола.

Однако историк не отмечает, что это было вызвано началом Фридрихом II Второй Силезской войны. По пути в Австрию Фридрих II, не получив согласия Августа III, находившегося в то время на сейме в Польше, провёл войска через Саксонию. Дрезден, вполне понимавший необходимость ослабления своего опасного соседа и имевший союз с Веной, оказал Марии Терезии военную поддержку в Богемии, и прусско-саксонские отношения резко ухудшились. Поэтому Фридрих II и начал антикоролевские действия в Польше. Они не имели антироссийского характера, они были антисаксонскими, что, конечно, не исключает возможности участия в них антироссийски настроенных магнатов и шляхтичей.

Главным действующим лицом прусского влияния в Польше был посланник Фридриха II И. Валленродт. Ставший канцлером А. Бестужев-Рюмин решил сделать именно его виновником обострения в Польше, обходя в обвинениях Фридриха II – якобы по собственной воле Валленродт преступил инструкции своего короля, борясь против Августа III в Польше.

З. Зелинская делает вывод, что Россия и Пруссия действовали сообща в деле срыва сейма (хотя выше признаёт, что русские посланники в своих реляциях сожалели о том, что сейм будет сорван), но Петербург был резко против планов антикоролевской конфедерации.

Это легко объясняется тем, что планы увеличения армии, как и судьба самого сейма, относились Петербургом к внутripольским делам, а вот антикоролевская конфедерация уже затрагивала основы российской политики в отношении Польши, и эта конфедерация могла бы исключить вмешательство России в европейские дела, участие в которых было главной целью политики А. Бестужева-Рюмина.

Исходя из разницы отношения российских дипломатов к прусским попыткам сорвать сейм и к прусским же попыткам организовать конфедерацию,

35 *Ibidem*, с. 59.

36 М.Ю. Анисимов, *Российские планы усиления Речи Посполитой в 1746 г.: польская миссия М. Ливена и М.Н. Волконского*, «Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки» 2020, Т. 1, № 4, с. 79–92.

историк делает вывод (на этот раз оформляя его как итоговую гипотезу), что Петербург оставил Берлину делать всю грязную работу по срыву сейма³⁵. Таким образом, по мысли польского историка, и невмешательство России во внутривойсковые дела тоже является её антипольской политикой.

Но документы свидетельствуют только то, что Петербург избрал путь предоставления полякам самим решить вопрос об увеличении армии и придерживался его. Можно ли найти в русской политике того времени прямое доказательство российской поддержки увеличения польской армии?

Документы Архива внешней политики Российской империи дают ответ и на этот вопрос, и этот ответ – положительный, и такая поддержка России проявила себя через 2 года, в преддверии следующего сейма. В фонде «Сношения России с Польшей» есть малозаметное дело «Отправление в Польшу и Литву бригадира Ливена и генерал-адъютанта Волконского». В этом деле нет записей о предыдущих просмотрах историками, нет упоминаний об этих документах и об этой миссии и в исследовании С.М. Соловьёва.

Миссия Ливена и Волконского, одними из главных целей которой были доведение до польских магнатов желательности увеличения польской армии и заключения русско-польского союза, подробно рассмотрена автором в отдельной недавно вышедшей статье³⁶.

После этой миссии нет никаких сомнений в том, что Россия действительно желала бы и увеличения польской армии, и заключения союза с Речью Посполитой. Корректировка русской политики, вызванная желанием создать широкий антипрусский союз в Восточной и Центральной Европе, действительно означала смену традиционной петровской линии в отношении Польши, и мнение З. Зелиньской, отрицающей эту корректировку, не может быть принято.

Прежняя линия на то, что в Речи Посполитой следует добиваться сохранения внутренней и внешней

слабости, была частично пересмотрена в сторону попытки превратить Польско-Литовское государство в одного из участников своеобразного антипрусского «барьера» (при этом традиционно сохраняя слабость других государственных органов шляхетской республики), для чего было необходимо согласиться на планы увеличения польской армии, чтобы она в случае вторжения в Речь Посполитую прусских армий была способна хотя бы продержаться до подхода русских и австрийцев – всё же поляки, как считали в Петербурге, должны защищать свою страну и сами.

Рост прусского могущества превратил Берлин в главного противника Петербурга, борьбе с которым была подчинена вся внешняя политика Елизаветы Петровны с 1745 г., и это закономерно привело Россию и Пруссию к столкновению в Семилетней войне 1756–1763 гг. Политика России в Польше после 1745 г. тоже оказалась подчинена этому магистральному направлению внешнеполитической деятельности русского двора – Речь Посполитая должна была усилить свою армию и присоединиться к союзу Саксонии и Пруссии. Но результаты миссии Ливена и Волконского охладили горячие головы в Петербурге – Речь Посполитая была уже сама по себе структурно неспособна стать как участником антипрусского блока из России, Австрии и Саксонии, так и вообще стать субъектом международных отношений. Именно в этой неспособности Польско-Литовского государства и следует искать причину неудачи русских планов присоединения Речи Посполитой к оборонительному союзу России и Саксонии. Речь Посполитая всё равно оставалась слабым государством, раздираемым противоречиями между магнатами, неспособными объединиться ради общего решения, и её присоединение к антипрусским союзникам ставило её под удар Пруссии, который сама республика не могла бы отразить. Практически все шляхтичи и магнаты, по словам русских эмиссаров,

боялись Пруссии, и этот страх вынуждал их не делать никаких антипруссских движений, чтобы не спровоцировать соседа, которому, как уже знала вся Европа, для вторжения был достаточен любой повод.

Боязнь спровоцировать прусское вторжение привела поляков, подавляющее большинство которых желало бы увеличить свою армию, к отказу от этого намерения. После возвращения в Россию Ливена и Волконского в Петербурге больше не имели никаких надежд на какое-либо участие шляхетской республики в антипруссских действиях. Уделом Польши в русских планах снова стало сохранение её слабости.

Таким образом, в 1744–1746 гг. российское правительство действительно попыталось изменить прежнюю политику в отношении Речи Посполитой с целью усиления её армии и включения её в антипруссский блок.

Библиография

Архивные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):

Ф. 74 (Сношения России с Пруссией), Оп. 1.

Ф. 79 (Сношения России с Польшей), Оп. 1.

Печатные источники

Дневник докладов Коллегии иностранных дел 1744 год [в:] *Архив князя Воронцова*, Кн. 6, Москва 1873, с. 1–176.

Полное собрание законов Российской империи, Собрание I, Т. 12, Москва 1830.

Сборник Императорского Русского исторического общества, Т. 102, Санкт-Петербург 1897.

Исследования

Анисимов М.Ю., *Планы России в отношении Польши во время Семилетней войны (по поводу работы Б. В. Носова)*, «Отечественная история» 2008, № 5, с. 172–178.

Анисимов М.Ю., *Российские планы усиления Речи Посполитой в 1746 г.: польская миссия М. Ливена и М.Н. Волконского*, «Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки» 2020, Т. 1, № 4, с. 79–92.

Анисимов М.Ю., *Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)*, Москва 2020.

Носов Б.В., *Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768*, Москва 2004.

Mediger W., *Friedrich der Große und Rußland* [в:] *Friedrich der Große und seiner Zeit*, O. von Hauser (Hrgs.), Köln–Wien 1987, с. 109–136.

Skibiński M., *Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję austryacką w latach 1740–1745*, т. 2, Kraków 1913.

Zielińska Z., *Rosja wobec polskich prób reform w latach 1738–1744* [в:] *Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*, Warszawa 2001, с. 9–60.

Zielińska Z., *Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*, Warszawa 2001.
